

Бродский и Солженицын обращаются к Америке

Бродский, при всем его прокламируемом презрении к политике, при всей сложности поэтического мышления, которой соответствовал подчас эпатазирующий парадоксализм его эссеистики и публичных выступлений, невольно оказался в роли представителя мыслящей России на Западе. Признавал он это или нет, но общественным темпераментом он обладал и то и дело оказывался втянутым в события политической жизни. В 1974 году Владимир Максимов при поддержке западногерманского издательского магната Акселя Шпрингера основал журнал «Континент», которому предстояло на два десятилетия стать самым эмалевым эрехтеонам и парфенонам, которые он видит там, где профан нащупает лишь дырявый зуб...» (*Набоков В. В. Камера обскура*, [1932], репринт. Энн-Арбор: Ардис, 1978. С. 147).

434 *Интервью 2000*. С. 547.

435 *Nabokov V. Selected Letters 1940–1977*. Edited by Dmitri Nabokov & Matthew J. Bruccoli San Diego-New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1989. P. 461.

436 Там же.

437 Имеется беллетризованный рассказ А. Г. Битова о том, что Бродский получил в Ленинграде в 1970 г. открытку от Набокова: «...я вышагивал (по Невскому. – *Л. Л.*), ибо до открытия магазина, до одиннадцати еще оставалось... навстречу Бродский... «Что так рано?» – «Да вот, роман сдал в издательство». – «Как назвал?» – «Пушкинский дом». – «Неплохо. А я сегодня открытку от Набокова получил». – «Что пишет?» – «Что Горбунов и Горчаков' написан редким для русской поэзии размером». – «И все?» Набокова я еще не читал ни строчки. И Иосиф хмыкнул, как только он умел...» (*Битов 1997*). Никаких других сведений об этой открытке нет.

влиятельным журналом эмиграции. С соредактором Максимова, поэтессой Натальей Горбаневской, Бродский был дружен с юности. Первый номер нового журнала открывался приветствиями Александра Солженицына, Эжена Ионеско, Андрея Сахарова и стихами Бродского. В начале подборки стояло стихотворение «На смерть Жукова». Оно вполне выражало совпадающие политические позиции журнала и автора: гордость за русскую героическую историю и высокую русскую культуру и отвращение к жестокости российского тоталитаризма. Бродский постоянно отдавал новые стихи в «Континент» и вплоть до начала перестройки в Советском Союзе поддерживал все начинания журнала. Живя в Америке, он был далек от конфликта между максимовским «Континентом», а также газетой «Русская мысль», с одной стороны, и А. Д. Синявским, М. В. Розановой (их журналом «Синтаксис») и Е. Г. Эткиндром – с другой. Этот конфликт на многие годы расколол парижскую эмиграцию. Но он всегда восхищался бескомпромиссностью и даже яростью максимовского антикоммунизма, сравнивал Максимова с отчаянным бойцом, который бросается вперед, поливая врага «автоматными очередями, от живота». К надеждам Эткинда и редакторов «Синтаксиса» на «социализм с человеческим лицом», как, впрочем, и к доморощенному авангардизму, процветавшему в этом журнале, он относился брезгливо.

Почему обращения Александра Солженицына, потрясшего мир «Одним днем Ивана Денисовича» и «Архипелагом ГУЛАГ», не оказали большого влияния на настроения западной интеллигенции и даже вызвали некоторое отталкивание у определенной ее части, а с мнением Бродского считались, без конца его интервьюировали не только как литератора, но и как представителя свободомыслящей России? Объясняется это, по-видимому, не столько содержанием их выступлений, сколько стилем. Западную прессу обошла фотография Солженицына на трибуне в Гарвардском университете. Высокий мужчина, одетый в специального покроя полувоенный френч, с суровым выражением нахмуренного лица, с большой «библейской» бородой, грозит аудитории указательным пальцем. Он обвиняет Запад в безверии, расслабленности, моральном разложении, политической трусости. Он говорит как знающий истину в последней инстанции, непререкаемый в своей правоте. Представьте себе некоего обобщенного американского интеллигента в гарвардской аудитории в тот весенний день 1978 года. Он, скорее всего, ошеломлен страстным авторитарным тоном и гневным пафосом обвинений и пророчеств. Он пытается поместить оратора в знакомую систему культурных координат и находит ближайшую аналогию: проповедник-евангелист, грозящий телевизионной пастве геенной огненной. Такой тип мышления и высказывания прямо противоположен принятому в толерантной либеральной среде, где чем радикальнее заявление, тем тщательнее принято его обосновывать. Бродский, который и внешне, и манерой держаться выглядит как нью-йоркский, вуди-алленовский интеллигент, не проповедует, а размышляет вслух, постоянно подчеркивает, что выражает свое частное мнение, не претендуя на знание абсолютной истины. Таким образом, он доносит до западной аудитории практически то же антитоталитарное послание, что и Солженицын, но куда убедительнее для этой публики.